

)

Вспышка яростной молнии на секунду замерла.

Гуань Е, конечно же, заметил, как мужчина выбрался из машины, однако повернулся он лишь сейчас. Бросив на того ледяной, равнодушный взгляд, он казался настолько отстраненным, что в этом безразличии сквозила едва сдерживаемая, пугающая кровожадность.

– Какое ты имеешь право об этом спрашивать?

Его слова звучали откровенно вызывающе.

Причем Гуань Е произнес их не в порыве гнева, а совершенно ровным, безэмоциональным тоном, отчего эта ничем не примечательная претензия обрела еще более ядовитый, издевательский оттенок.

По крайней мере, трое участников команды, находившихся снаружи, мгновенно прошли путь от эйфории – «ого, да этот крутой парень знаком с нашим новым напарником, значит, свои!» – до панического ужаса. В этот момент даже слепой разглядел бы в воздухе густую, осязаемую взрывоопасную смесь.

Какая уж там дружба – тут за версту разило злейшими врагами!

Вообще-то Гуань Е редко заботился о ком-либо или чем-либо, кроме Ци Шуюэ, но сейчас он четко и безошибочно узнал того, кто стоял перед ним.

Мэн Сянвэнь. Третьекурсник с того же факультета, который признался Ци Шуюэ в любви во время военной подготовки.

Конечно, желающих признаться Ци Шуюэ было предостаточно, и изначально Мэн Сянвэнь должен был затеряться среди этой толпы ничем не примечательных лиц. Но почему-то лишь Гуань Е знал, что к Мэн Сянвэню Ци Шуюэ проявлял какой-то особенный, повышенный интерес.

Он навел о нем справки, а когда Мэн Сянвэнь появлялся поблизости, автоматически переводил на него взгляд. Пусть во взгляде этом не читалось симпатии – скорее любопытство и наблюдение, – Гуань Е всё равно находил это невыносимым: почему он наблюдает не за кем-то другим, а именно за Мэн Сянвэнем?!

Проявлять к человеку любопытство – это начало симпатии.

К тому же Ци Шуюэ и впрямь выделял Мэн Сянвэня. Те ребячливые, дразнящие штучки, что он вытворял... Гуань Е никогда не видел, чтобы Ци Шуюэ поступал так с кем-то еще. С остальными он всегда держался мягко, вежливо, едва ли не доходя до показного отчуждения, словно между ним и всем остальным миром пролегла невидимая стена, а любые признания он пресекал на корню. Исключением был только Мэн Сянвэнь – с ним он вел себя совершенно иначе, чем со всеми остальными.

Вот что по-настоящему беспокоило Гуань Е. Стоило ему вспомнить об этом, как ревность начинала жечь сердце каленым железом.

Позже, когда мир перевернулся с ног на голову, рядом не осталось лишних людей, и они с Ци Шуюэ дни и ночи проводили бок о бок. Гуань Е почти утонул в иллюзии этого крошечного счастливого мирка, едва не забыв о столь неприятных воспоминаниях... но стоило Мэн Сянвэню появиться, как всё рухнуло.

Когда затаившиеся на дне души переживания всколыхнулись вновь, они ударили с удесятенной силой. Гуань Е был далеко не так спокоен, как пытался казаться, – в пору было говорить о бушующем океане ревности. Если бы Ци Шуюэ не находился прямо сейчас рядом, его способность молнии, пожалуй, снова «занесло» бы в сторону.

Словно злая насмешка судьбы. И пусть разум Гуань Е прекрасно понимал, что при таком расстоянии Ци Шуюэ никак не мог знать о присутствии Мэн Сянвэня в этом отряде – они сами явились на сигнал бедствия, увидев ракетницу, – тем не менее...

По законам подлости, спасти пришлось именно Мэн Сянвэня.

Гуань Е невольно закралась в голову мысль: а вдруг Ци Шуюэ потому и проникся жалостью, что здесь находился Мэн Сянвэнь? Словно в былые времена, когда Мэн Сянвэнь был особенным, не таким, как все. И пусть это предположение не имело под собой никаких оснований, казалось безумным и смехотворным, одна эта минутная догадка заставила ревность

затопить всю грудь, воспламеняясь от малейшей искры.

Но если Гуань Е кипел от ревности, то самому Мэн Сяньвэню пришлось несладко.

Наступил Судный день. Всё привычное вокруг рухнуло в одно мгновение, и, очнувшись после беспамятства, он обнаружил, что его соседи по комнате превратились в монстров.

Мэн Сяньвэнь сообразил быстро, да и физическая подготовка не подвела – ему удалось сбежать. Он объединился с такими же чудом уцелевшими студентами; забаррикадировав двери и окна, они ютились в маленькой столовой, перебиваясь полуфабрикатами и пытаясь спать на сдвинутых столах и стульях в ожидании помощи.

Разумеется, помощи они не дождались.

Те дни прошли как в страшном сне: смерти, ссоры, рукоприкладство. Мэн Сяньвэнь пытался расспросить других о судьбе Ци Шуюэ, но ему ответили, что тот якобы получил ранение еще до катастрофы и уехал в больницу, за пределы кампуса.

Волна еще более сильного беспокойства и раскаяния накатывала снова и снова, но тогда Мэн Сяньвэнь едва справлялся с собственными проблемами. Среди выживших разгорелся неразрешимый конфликт: одни настаивали на том, чтобы оставаться на месте и ждать подкрепления, другие жаждали забрать часть припасов и прорываться наружу. Сам Мэн Сяньвэнь в спорах не участвовал – у него начался бред на фоне сильнейшего жара, и состояние стало просто ужасным. Остальные подозревали, что он заразился вирусом зомби, но, поскольку все они были сокурсниками, рука не поднялась добить его. Парня лишь выгнали прочь, велев искать другое убежище.

Мэн Сяньвэнь ушел, обнаружив, что испытывает дикое, непреодолимое желание напасть на каждого, кто окажется рядом. Он предпочел уединиться.

Период мутации выдался на редкость тяжелым. В самые мрачные моменты Мэн Сяньвэнь думал о самоубийстве: разбиться насмерть или быть растерзанным зомби казалось куда легче, чем терпеть эти муки. Но как назло, стоило ему только пожелать смерти, как перед глазами возникала короткая галлюцинация, выдерживавшая его из лап небытия.

Ему мерещился Ци Шуюэ. Полдень сразу после завершения военной подготовки; под

взглядами бесчисленных расплывчатых лиц он принимает его признание. Вокруг все хлопают в ладоши и ликуют, в воздухе кружатся лепестки неизвестно откуда взявшихся цветов, благословляя эту пару.

Мэн Сянвэнь прекрасно понимал, что это бред воображения – в конце концов, реальный Ци Шуюэ никогда не был с ним так мягок.

Более того, обладая здоровой долей самокритики, Мэн Сянвэнь признавал: стань они парой наяву, за глаза его бы только материли последними словами. Откуда тут взяться всеобщему ликованию, салютам и летящим лепесткам?

Но даже осознавая галлюцинацию, Мэн Сянвэнь чувствовал, как ком застревает в горле. «Ладно бы помереть, сироту всё равно никто не оплачет, но перед смертью мне хочется удовлетворить последнее желание: узнать, где Ци Шуюэ? Жив ли он? Хорошо ли ему приходится?»

Ему хотелось взглянуть на Ци Шуюэ еще хоть раз.

Именно это простое, но в реалиях Судного дня непозволительно роскошное желание поддерживало его на плаву весь период мутации. Опираясь на тонкую фанерную дверь кладовой, он выжил, а выжив, обрел поистине уникальный дар... Позже Мэн Сянвэнь узнал, что эту штуку называют способностью эспера.

Обладая сверхъестественными силами, выживать в апокалипсисе стало куда проще. Он нашел новых товарищей, и они зашагали дальше небольшой группой. Покинув университет, Мэн Сянвэнь побывал во многих местах, включая близлежащие больницы и клиники, но Ци Шуюэ нигде не было. А в ходе одного из недавних кризисов он отбил от отряда и чудом столкнулся с нынешней командой эсперов.

Капитан высоко оценил его боевые качества, а поскольку ряды эсперов к тому времени основательно поредели, Мэн Сянвэня приняли в группу в качестве свежей крови.

Последующие события и вовсе вспоминать не хотелось. Им катастрофически не везло на каждом шагу: способности капитана истощились, и он впал в коматозное состояние, сам Мэн Сянвэнь был ранен, остальные трое членов отряда тоже держались из последних сил, да вдобавок ко всему они угодили прямо в лапы орды зомби.

В минуты полного отчаяния Мэн Сяньвэнь уже мысленно попрощался с жизнью, но никак не ожидал, что судьба совершит столь крутой поворот.

Мало того, что забрезжил просвет, так он еще и встретил человека, которого жаждал увидеть больше всего на свете – Гуань Е.

Его догадка подтвердилась: с самого начала Судного дня Гуань Е неизменно находился рядом с Ци Шуюэ. Стоит отыскать его – и до Ци Шуюэ рукой подать.

Однако вопросы, которые задавал Гуань Е, до чертиков злили Мэн Сяньвэня. И дело было не только в нескрываемом презрении собеседника, но и в том, что эти слова больно задели за живое.

Раньше он считал справедливой поговорку «в тихом омуте черти водятся», но теперь убедился: этот парень не только кусает до крови, но и лает так, что аж в ушах звенит.

Гуань Е был прав в своей претензии. Кто он такой? Всего лишь рядовой сокурсник Ци Шуюэ, к тому же получивший от ворот поворот безответный влюбленный. Какое право он имеет сейчас допытываться, где находится Ци Шуюэ?

Не найдя возражений, Мэн Сяньвэнь онемел, но сдаваться и прекращать расспросы он вовсе не собирался. И тут, словно искра в темноте, в голове Мэн Сяньвэня мелькнула донельзя важная мысль:

Гуань Е здесь вообще ни при чем! Если уж у него самого нет права задавать подобные вопросы, то на каком основании Гуань Е мнит себя официальным представителем Ци Шуюэ?!

Ухватившись за эту мысль, Мэн Сяньвэнь разом забыл о ранах – его боевой дух взлетел до небес. Сверля Гуань Е яростным взглядом, в котором вот-вот готовы были вспыхнуть искры, он не стал срывать злость на самом парне, а резко перевел взгляд на стоящий в стороне внедорожник.

– Эй, – бросил Мэн Сяньвэнь. – Ци Шуюэ в машине?

В ту же секунду жажда убийства в глазах Гуань Е взметнулась до небес!

Трое оставшихся членов отряда эсперов мгновенно подобрались! Да что здесь вообще творится?! Они поспешно вскинули оружие, совершенно не понимая, в кого целиться. И как раз в этот момент очищенная от мертвяков зона снова содрогнулась: орда зомби вновь подступила вплотную. Несколько мутировавших тварей затерялись в толпе, демонстрируя потрясающую прыгучесть и бешеный натиск, они ринулись прямо на выживших.

Гуань Е даже не покосился в их сторону – стоило ему взмахнуть рукой, как разряды молний вновь разорвали воздух!

Поскольку Гуань Е в этот момент буравил взглядом Мэн Сянвэня, его напарники решили, что парень атакует именно его.

Более того, казалось, что грозовые разряды метят прямым в Мэн Сянвэня!

Но на деле всё выглядело иначе: энергия молнии пронеслась в опасной близости от ног Мэн Сянвэня, устремляясь дальше, и выкосила еще один участок наступавшей орды. Мертвяки, решившие воспользоваться моментом и прикончить эсперов, были пронизаны электрическим током и намертво пригвождены к земле. Издав пронзительные визги, они тут же превратились в пепел под воздействием сплошной паутины электрических разрядов, усеявших землю.

Зрелище внушало суеверный ужас. По крайней мере, трое ничего не понимавших бойцов задрожали всем телом, отчетливо осознавая: сделай они хоть одно неверное движение, и эта молния, только что испепелившая зомби, в следующий раз прилетит в их собственные головы.

На лбу Мэн Сянвэня выступил холодный пот.

В то мгновение он отчетливо понял: Гуань Е и впрямь собирался прикончить его на месте.

А почему он сдержался?..

Взгляд Мэн Сянвэня с фанатичным блеском уставился на припаркованный рядом внедорожник. Странно, но в данном вопросе он почему-то прекрасно понимал чувства Гуань Е.

Не хочет, чтобы любимый человек видел его перепачканные кровью руки.

А значит, Ци Шуюэ определенно находится внутри.

Тем временем Ци Шуюэ, который тихо и чинно восседал на сиденье, аккуратно сложив руки на коленях и послушно ожидая развязки, разумеется, тоже заметил творившийся снаружи переполох.

Он сразу же сообразил, что Мэн Сяньвэнь тоже оказался в составе спасательной группы.

Впрочем, в отличие от опасений Гуань Е, у самого Ци Шуюэ вид парня не вызвал никаких бурных эмоций – в конце концов, их совместные сюжетные «квесты» давно остались позади. Ци Шуюэ лишь подумал о том, какое же это невероятное совпадение. Неужели таково могущество самого сюжета, раз за разом сводящего главного героя и второго мужчину вместе?

С точки зрения Ци Шуюэ, нынешняя встреча складывалась как нельзя лучше: Гуань Е как раз спас Мэн Сяньвэня, укрепив узы дружбы между протагонистом и второстепенным персонажем, что заложило отличный фундамент для их дальнейшего сотрудничества и превращения в закадычных друзей по ходу сюжета.

Задание развивалось исключительно логично.

Наверно, сейчас они просто ностальгируют, вспоминая прошлое? – предположил Ци Шуюэ.

Однако эта «ностальгия» затянулась до неприличия. Разделив опасения членов отряда, Ци Шуюэ тоже начал переживать: а вдруг Гуань Е потратит слишком много сил на пустые разговоры и они в итоге упустят момент, застряв здесь окончательно? Если так, то лучше бы он вообще не брался за эту самоубийственную миссию.

Звукоизоляция у машины была превосходной. Поразмыслив немного и решив, что защитный барьер Гуань Е всё равно послужит надежным щитом, Ци Шуюэ опустил стекло ровно наполовину. Голос, донесшийся из салона, звучал на редкость приятно:

– Как обстоят дела? Вы... не хотите сначала залезть в машину, а потом уже разговаривать?

Остальные присутствующие на мгновение остолбенели.

Хоть момент был выбран совершенно неподходящий, первой мыслью каждого из них стало: «Черт, почему у этого человека такой безумно красивый голос?..»

Голос Ци Шуюэ отдавал легкой прохладой, напоминая звон столкнувшихся нефритов – чистый и кристально прозрачный. Но из-за прозвучавших в нем ноток беспокойства эта ледяная отстраненность самую малость растаяла, ласково касаясь слуха, будто невесомое птичье перышко. От этого звука на душе становилось необъяснимо уютно, а кончики ушей сами собой начинали покалывать от легкого жара.

Конечно, в нынешнюю эпоху хватало всяких «мастеров звуковых карт» и виртуозов голосовой маскировки, да и приятный голос вовсе не гарантировал привлекательную внешность. Тем не менее, услышав его хоть раз, эти парни были готовы поклясться: обладатель такого голоса просто обязан быть писанным красавцем.

Причем из разряда ослепительных красавцев.

В другое время они бы с радостью поломали голову над разгадкой этой тайны, но сейчас ситуация накалилась до предела. Сохранив крохи здравого смысла, путники временно отбросили грезы о прекрасном незнакомце, вернувшись к суровой реальности. Их первой реакцией было:

Мало того, что голос волшебный, так еще и человек невероятно добрый! Настоящая ангельская душа! И что самое трогательное – в разгар этого безумия этот прекрасный незнакомец единственный мыслит здраво!

Только послушайте, что он говорит! Наконец-то нашелся хоть кто-то, кто понял: сейчас главное всего запрыгнуть в машину и убираться из этого проклятого места!

Испытывая жгучую благодарность, они тем не менее не смели игнорировать мнение второго спасителя. Украдкой покосившись на Гуань Е и пытаясь уловить его реакцию, они с ужасом заметили, что лицо парня темнее тучи – от одного этого вида у бедолаг ком в горле застрял.

С чего бы Гуань Е веселиться? С одной стороны... ему отчаянно не хотелось, чтобы эти перепачканные кровью, грязные типы поднимались в салон, где они с Ци Шуюэ отдыхали столько дней подряд. Собственнический инстинкт ревностно охранял личные границы. К тому же Гуань Е отроду никому не доверял и даже сейчас, находясь рядом, подсознательно ждал от них подвоха – вдруг вздумают напасть на Ци Шуюэ?

С другой стороны, его одолевали дурные предчувствия.

Стоило Ци Шуюэ заговорить... а ведь сначала тот сидел в машине тихо и смирно.

И надо же было такому случиться – именно в тот момент, когда появился Мэн Сянвэнь...

От этих мыслей океан ревности в душе Гуань Е снова пошел бурунами.

Сам же Мэн Сянвэнь в этот момент чувствовал себя далеко не столь триумфально, как воображал Гуань Е. Стоило ему услышать голос Ци Шуюэ, как он окаменел.

Здоровый северный парень ростом почти под метр девяносто, он не проронил ни слезинки, когда начался апокалипсис, а соседи мутировали в зомби; не плакал, когда его изгнали, посчитав обреченным; да даже когда смерть стояла за плечом, он цеплялся за жизнь изо всех сил. Но сейчас почему-то защипало в носу, и горло сжало от подступающих слез.

Мэн Сянвэнь был непритязателен: он выживал в этом страшном мире лишь благодаря галлюцинациям с участием Ци Шуюэ. И сейчас его заветнейшее желание почти исполнилось – как же здорово.

Ци Шуюэ жив. И он сам тоже жив.

Они снова встретились.

Пусть даже вокруг свирепствует орда зомби.

Наверное, это называлось «вблизи от дома охватывает робость». Если раньше Мэн Сянвэнь единственный открыто шел на конфронтацию с Гуань Е, жаждая сквозь землю пробиться к машине и проверить, действительно ли там сидит Ци Шуюэ, то теперь он вдруг сник, унял свой бунтарский пыл и молча зажал рану рукой, даже не заикаясь о том, чтобы забраться внутрь. А товарищи по отряду тем временем едва не сходили с ума от тревоги.

Не дождавшись ответа, Ци Шуюэ решил, что они никак не могут прийти к консенсусу, и втайне заволновался. Но тут Мэн Сянвэнь хрипло крикнул:

– Берегись!

В тот же миг в воздухе сгустился невидимый клинок, рассекая пространство подобно серпу. Он был бесплотным, но от него исходила острая, смертоносная аура. Глаза Ци Шуюэ расширились от испуга, и он рефлекторно отпрянул назад.

В ту же секунду Гуань Е заслонил собой оконный проем, перехватив невидимый ветряной клинок разрядом молнии.

Обошлось без жертв.

Движения Гуань Е были настолько молниеносными, что никто даже не заметил, как он переместился к окну.

Мэн Сянвэнь судорожно сдвинул брови. Помимо тревоги, в груди шевельнулось странное, горькое чувство.

Гуань Е смог среагировать и заслонить стекло от атаки, в то время как сам он оказался способен лишь на жалкий окрик. Конечно, сказывалось ранение, но этот контраст резал слух и отзывался тупой болью в сердце.

И всё же, несмотря на это, он взял себя в руки и предупредил:

– Будь осторожен! Это мутировавший зомби, причем высшего порядка, владеющий способностями... мы всю дорогу сражались с ним. К тому же он обладает зачатками интеллекта: умеет управлять ордой, расставлять ловушки-засады. Очень опасный противник.

Другой боец поспешил добавить:

– Верно! У этой твари, похоже, «стихия ветра» – ее не видно и не слышно, но убивает мгновенно. Жуткая гадина.

– А Сян получил ранение как раз тогда, когда прикрыл меня.

Лицо Гуань Е было мрачнее тучи.

Когда он по-настоящему злился, на его лице не отражалось ровным счетом ничего – казалось, все эмоции сковало льдом, являя миру пугающий, угрюмый мрак.

На самом деле даже если бы тот ветряной клинок угодил в салон, он не причинил бы Ци Шуюэ никакого вреда. Но ярость Гуань Е сейчас питалась из совершенно иного источника – в сравнении с ней злость на Мэн Сянвэня казалась детским лепетом. К Мэн Сянвэню он всё ещё испытывал сдерживающее раздражение, оглядываясь на Ци Шуюэ и пытаясь держать себя в рамках разумного. Но перед лицом реальной угрозы, посягнувшей на жизнь Ци Шуюэ, всякое терпение испарялось, подобно раскаленной лаве готовой взорваться вулкана.

Казалось, у Гуань Е прогрессирует нечто вроде «паранойи преследования Ци Шуюэ» – особенно теперь, когда он воочию убедился: кто-то (или что-то) и впрямь пытается навредить его сокровищу.

Убить.

Эта мысль молнией пронеслась в голове Гуань Е.

Неважно, собираются они улепётывать от орды или нет, угрозу для Ци Шуюэ нельзя оставлять в живых.

По удивительному совпадению, мысли Ци Шуюэ в этот момент текли в схожем русле.

Выслушав диалог эсперов, он практически не сомневался: этот зомби с ветряным даром – главный зачинщик нынешнего нашествия.

Раз кукловод орды сам вылез наружу и вцепился в них мертвой хваткой, ситуация неизбежно усложнилась. Это отличалось от их изначального плана беспрепятственно уехать – тогда высокоуровневые твари просто не обращали на них внимания, задев попутно лишь по чистой случайности.

Теперь же орда будет преследовать их по пятам, не говоря уже о постоянной угрозе внезапных атак ветряного зомби. Судя по базам данных Системы, мстительность у подобных элитных монстров зашкаливала: раз уж добыча ускользнула из лап, тварь будет преследовать их по запаху, собирая новую стаю у удобных засад. Это сулило бесконечную головную боль, так что прежняя «лучшая стратегия» побега потеряла актуальность, став практически невыполнимой.

И раз противник сам обнаружил свое местоположение...

Пока Ци Шуюэ обдумывал обстановку, Гуань Е уже перешел к активным действиям. Ориентируясь по направлению вражеской атаки, он обрушил на врага массированную

бомбардировку способностями, выжигая всё живое на своем пути.

Однако высший зомби оказался на редкость хитер. Мало того, что его природная стихия ветра сама по себе обеспечивала отличную маскировку, так он еще и умудрялся скрывать свое присутствие, периодически нанося точечные удары.

Гуань Е обладал молниеносной реакцией и безупречным боевым чутьем – ветряные лезвия не могли его задеть, но вот остальным членам отряда приходилось несладко, они едва успевали уворачиваться.

Элитный мертвяк мастерски использовал орду в качестве живого щита: стоило Гуань Е уничтожить одну волну, как на ее место тут же устремлялись бесчисленные толпы зомби, растекаясь чернильными пятнами по воде, а сам кукловод, скользкий и неуловимый, безупречно растворялся среди них.

Поначалу взгляд Ци Шуюэ автоматически метался вслед за вспышками молний Гуань Е.

Пусть способности Гуань Е внушали трепет, за столько времени Ци Шуюэ успел привыкнуть к ним настолько, что бояться перестал. И когда он попытался рассмотреть происходящее снаружи сквозь полупрозрачное стекло приоткрытого окошка, то с удивлением обнаружил: точки падения вражеских атак и исходившее из щели окна «дуновение» расходились пусть на мизерную, но вполне отчетливую величину.

Да-да, именно «дуновение».

Ци Шуюэ странным образом ощутил в воздухе ток самого «ветра». Ощущение было донельзя мистическим: казалось, будто он держит в руках воздушного змея, к которому привязаны бесчисленные алые нити, и через управление этим змеем он чувствует все направления и переплетения чужих сил.

Эта способность напоминала врожденный дар, который позволял ему среди хаотичных, невидимых потоков точно вычислить и отыскать источник чужих чар, распутывая их клубок нить за нитью.

Мир, открытый взорам остальных, в его глазах выглядел совершенно иначе.

Ци Шуюэ был от природы трусоват и постоянно дрожал от страха во многом из-за своей сверхчувствительной «интуиции», улавливавшей малейшие отголоски потустороннего. Из-за этого он старался избегать подобных аномалий – в конце концов, для него это было равносильно прикосновению к источнику кошмаров, вызывая чисто физическое отторжение и панику.

Но в эту самую секунду в голове Ци Шуюэ пронеслась лишь одна мысль:

Мне тоже... хочется хоть немного помочь.

Пусть страшно. Неважно.

<http://bllate.org/book/18797/1870145>